

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-55-60

А.Д. ШМЕЛЕВ

Александр Солженицын и кодификация русской пунктуации

В статье ставится вопрос о значении общих представлений А.И. Солженицына о пунктуации и использовании знаков препинания в его художественной прозе для кодификации русской пунктуации. Рассматривается роль общих принципов использования знаков препинания, изложенных в статье Солженицына «Некоторые грамматические соображения», а также его собственной пунктуационной практики в свете ведущейся в настоящее время Орфографической комиссией РАН работы по упорядочению русской пунктуации. Показано, что для Солженицына особо важную роль играет интонационное и смысловое содержание пунктуации (пунктуация как показатель на письме ритмики и мелодики речи и ее роль в понимании письменного текста).

Ключевые слова: кодификация; русская пунктуация; знаки препинания; сравнительный оборот; деепричастие / деепричастный оборот; вводные слова; однородные члены; повторяющиеся союзы; тире; кавычки; скобки; многоточие.

Aleksei D. Shmelev

Aleksandr Solzhenitsyn and Codification of Russian Punctuation.

The paper deals with the general view of punctuation set forth in Grammatical considerations by Alexander Solzhenitsyn as well as the use of punctuation marks in his literary prose. The paper claims that the general principles of punctuation put forward by Solzhenitsyn combined with the results of observation over his punctuation usage should have certain implications for the codification of Russian punctuation. The author suggests that taking account of Solzhenitsyn's ideas related to the use of punctuation marks and his own punctuational practice can be a help in finding a balance between semantic, syntactic and intonational criteria of punctuation.

Key words: codification; Russian punctuation; punctuation marks; comparison phrase; verbal adverb / verbal adverb phrase; parenthetic words; homogeneous parts of the sentence; repeated conjunctions; dash; quotation marks; parentheses; ellipsis.

Алексей Дмитриевич Шмелев, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Институт филологии; главный научный сотрудник, заведующий отделом культуры русской речи

E-mail: shmelev.alexei@gmail.com

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Российская академия наук

*ул. Волхонка, д. 18/2, Москва, 119019, Россия
Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences*

18/2 Volkhonka str., Moscow, 119019, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Шмелев А.Д. Александр Солженицын и кодификация русской пунктуации // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 55–60. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-55-60.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00778.

Вступительные замечания

В последние два года вопросам пунктуации уделяется большое внимание на заседаниях Орфографической комиссии РАН. Бросающаяся в глаза неполнота раздела «Пунктуация» свода [Правила 1956] обусловила появление целого ряда справочных изданий, в которых делалась попытка заполнить существующие лакуны, однако рекомендации таких справочников, как правило, не имели серьезного научного обоснования, а иногда противоречили друг другу.

При этом работа по упорядочению правил русской пунктуации может вестись в двух разных ключах. С одной стороны, кодификаторы могут в первую очередь заботиться о логической стройности и непротиворечивости правил и легкости их усвоения. С другой стороны, они могут ориентироваться на узус, на практику печати, на использование знаков препинания в художественной литературе.

Творчество Александра Солженицына представляет собою уникальный материал в том отношении, что в нем можно обнаружить данные обоих типов. Знаки препинания играют важную роль в художественной прозе Солженицына, часто выполняют текстообразующую функцию, выявляемую посредством лингвистического анализа. Но, помимо этого, некоторые общие принципы употребления знаков препинания с установкой на логичность и непротиворечивость были изложены писателем в заключительных разделах статьи «Некоторые грамматические соображения» [Солженицын 1997: 535–539]. С рассмотрения этой статьи можно начать настоящее обсуждение².

Интонационный подход к пунктуации

Говоря об орфографии, Солженицын отмечал относительную автономность письменной речи, специально подчеркивая, что «фонетический принцип имеет пределы» [Там же: 530], и стремился, сколько мог, противостоять «нивелировке» письменной речи, возникающей под влиянием произношения. Однако, говоря о пунктуации, он, напротив того, замечал: «Я считаю нужным следить, чтобы не происходило такого резкого отрыва письменной речи от устной» [Там же: 535]. Мы видим, что

установки автора по отношению к орфографии и пунктуации до некоторой степени противоположны (ср.: [Шмелев 1993: 121]). Как известно, в основу русской пунктуации кладется сочетание трех принципов: смыслового (пунктуация способствует пониманию письменного текста), грамматического (пунктуация помогает выявить синтаксическую структуру письменного текста), интонационного (пунктуация служит показателем на письме ритмики и мелодики речи). Солженицын ориентировался в первую очередь на интонационный принцип пунктуации. Говоря об использовании запятых, он писал: «Запятые должны служить интонациям и ритму (индивидуальным интонациям фраз и персонажей), помогать их выявлять – а не быть мертво-привязанными для всех интонаций и всех ритмов». И далее: «Школьные пунктуационные правила формальны и не учитывают живое дыхание речи» [Солженицын 1997: 535]. Запятые, по Солженицыну, могут служить «могучим средством выражения», но для этого необходимо «пользоваться им достаточно свободно, применительно к тонкостям интонации» [Там же].

Интересно соображение писателя об устройстве русской пунктуации в сопоставлении с немецкой и английской пунктуацией. Он пишет, что принятая в соответствии с правилами русская пунктуация «слишком обременена формальными традициями немецких грамматистов», из-за чего в письменной речи возникает «частокол тормозящих запятых» [Там же]. Но и английская пунктуация не может быть принята за образец для русской. Как пишет Солженицын, «современный английский почти лишен запятых, и это обедняет его фразу» [Там же]. Впрочем, в некоторых случаях, как мы увидим, возможно влияние некоторых традиций английской пунктуации на принимаемые писателем решения.

«Избыточные» запятые

Каким же образом Солженицын «разгружал» предложения от «избыточных» запятых?

Прежде всего, он в некоторых случаях устранял запятые перед приложениями и сравнительными оборотами с союзом *как*. Он писал: «Мы не ставим запятую при краткости сравнения, беглости его применения или расхожести употребленного образа; не ставим, если сравнительный оборот имеет значение приравнивания или обстоятельства образа действия,

² В моем отклике на статью Солженицына рассмотрены общие орфографические проблемы и практически не затронуты вопросы пунктуации [Шмелев 1993].

или является именной частью сказуемого» [Солженицын 1997: 535–536]. Здесь следует заметить, что даже в своде 1956 г., на который, по-видимому, ориентировался Солженицын, в примечании 2 к § 150 говорится: «Не являются сравнительными оборотами и, следовательно, не выделяются запятыми именные части составных сказуемых» [Правила 1956: 85]. А в самом правиле сказано: «Сравнительные обороты, ставшие устойчивыми оборотами речи, запятыми не выделяются». По-видимому, под «расхожестью употребленного образа» Солженицын имел в виду именно это. Самым авторитетным пособием по пунктуации в настоящее время считается «полный академический справочник» [Правила 2007], и мы можем видеть, что некоторые уточнения касательно пунктуации при сравнительных оборотах, сделанные в этом справочнике, вполне согласуются с предложениями Солженицына. Формулировки свода 1956 г. в новом справочнике уточнены: указано, что обороты со сравнительными союзами не выделяются запятыми: (а) при сказуемых, требующих конкретизации (*смотрел на землю как на юдоль скорби*); (б) при передаче значения 'в качестве', когда оборот является частью сказуемого (*был прислан как главнокомандующий*); (в) если оборот сам является сказуемым (*Снег у крыльца как песок зыбучий*); (г) если оборот имеет значение образа действия (*Тропинка извивалась как змея*); (д) если обороту предшествует отрицание или частицы (*всё делает не как люди*); (е) если оборот является устойчивым сочетанием (*бледный как смерть*) [Там же: 259–260]. При этом к последнему пункту сделано примечание: «Если имеются некоторые отклонения в употреблении устойчивых оборотов (порядок слов, подмена слов в устойчивых словосочетаниях и др.), то выделение возможно» [Там же: 260]. Легко видеть, что, во-первых, в целом сделанные уточнения вполне соответствуют пожеланиям Солженицына, а во-вторых, что во многих случаях выбор ставить или не ставить запятыя принадлежит пишущему, который решает, сводится ли значение оборота к указанию на «образ действия», насколько сочетание является устойчивым, достаточно ли велико «отклонение», чтобы оправдать постановку запятой. Так, в академическом справочнике приводятся примеры: *тают, как дым*, и *развевался как дым* [Там же: 260]. В первом примере усматривается «подмена слова»,

делающая возможной постановку запятой, однако правило говорит, что постановка запятой в этом случае «возможна», но, очевидно, не обязательна. В справочнике дан пример *упрям как осёл* (без запятой – устойчивый оборот!), а среди примеров, приводимых Солженицыным в качестве образца разгрузки от излишних запятых, встречаем *упрямый станвится как осёл* [Солженицын 1997: 536]. Устойчивый оборот несколько видоизменен, поэтому запятая была бы возможна, но ее отсутствие не противоречит правилу.

Другой случай, на который Солженицын указывал как на пример «разгрузки от излишних запятых», – это «облегчение от запятых, несмотря на подчинительные союзы, и при цельных неразложимых выражениях» [Там же]. Здесь опять-таки можно заметить, что некоторые из предложений писателя развивают существующую традицию и предусмотрены существующими правилами. Так, традиционно не ставится запятая, когда союзные слова входят в состав неразложимых выражений [Правила 1956: 79]. Не ставится запятая, если придаточная часть усечена до одного союзного слова (*не уточнили когда*) [Там же: 80; Правила 2007: 285].

Третий случай «разгрузки от излишних запятых» – это деепричастия и деепричастные обороты. Солженицын писал: «...при интонационной беглости можно некоторые деепричастные обороты не заключать в запятые»; здесь же он упоминал «одиночные деепричастия, которые приобретают значение наречия или обстоятельства образа действия» [Солженицын 1997: 536–537]. Его формулировка довольно близка к формулировке свода 1956 г., гласящей, что правило об обособлении не касается «таких одиночных деепричастий и деепричастных оборотов, которые примыкают непосредственно к сказуемому и по своему значению приближаются к наречию» [Правила 1956: 89]. В академическом справочнике сделана попытка исчислить все такие случаи более детально; однако представляется, что эта попытка лишь запутывает дело и по существу речь идет об относительной свободе пишущего обособлять или не обособлять деепричастия и деепричастные обороты, непосредственно примыкающие к сказуемому и по своему значению приближающиеся к наречию.

Четвертый случай, когда, по Солженицыну, необходима «разгрузка от излишних

запятых», может вызвать внутренние возмущения у тех, кто привык к особенностям русской пунктуации. Солженицын писал: «...разгрузка от запятых часто настоятельна вокруг вводных слов и оборотов...» [Солженицын 1997: 537]. Вообще говоря, сама сущность вводных слов и оборотов заключается в том, что они по определению требуют обособления. Правда, некоторые примеры, которые приводил Солженицын, могут быть интерпретированы так, что они не будут противоречить тому, что традиционно предписывалось правилами пунктуации. Когда Солженицын писал: «В зависимости от темпа фразы не всегда должна вклиниваться запятая после “во-первых”, “во-вторых”, “например”, “конечно”» [Там же], — то это отчасти соответствовало тому, что в своде 1956 г. говорилось о различии между вводными и усилительными словами и оборотами: «Следует различать употребление одних и тех же слов и оборотов то в качестве вводных (и, следовательно, выделяемых запятыми), то в качестве усилительных (и запятыми не выделяемых)», — иллюстрируемом следующими примерами: «Вы все это понимаете, конечно (*конечно* — вводное слово). / Вы-то конечно приедете раньше меня (*конечно*, произносимое тоном уверенности, — усилительное слово)» [Правила 1956: 93]. Кроме того, всегда существовало правило, что если вводные слова (*во-первых, во-вторых, например*) стоят в начале обособленного члена предложения, то они не отделяются от него знаком препинания. Но в целом в этом пункте Солженицын довольно сильно отступил от пунктуационной традиции. Здесь можно усмотреть влияние английских синтаксических представлений и основанной на них английской пунктуации. В английском языке слова со значением ‘возможно’, ‘вероятно’, ‘очевидно’ и т.д. считаются «эпистемическими наречиями» и на письме не обособляются.

В статье «Некоторые грамматические изображения» упоминаются и некоторые другие случаи, когда Солженицын приветствует отсутствие привычных запятых, противоречащее правилам [Солженицын 1997: 538], например: *она обернулась обиженная; он испытывал не что иное как ревность*; однако эти примеры приведены без комментариев, так что трудно оценить, насколько системны были представления Солженицына касательно этих случаев.

«Углубление интонации» и смежные явления

Следует заметить, что в некоторых (правда, немногочисленных) случаях Солженицын, наоборот, ставил запятую там, где, по правилам русской пунктуации, она не нужна. Один из разделов его статьи называется «Углубление интонации замедляющими запятыми». Раздел начинается со «случаев, оговоренных правилами», снабженных примерами, причем большинство из них составляют запятые при однородных членах предложения: при повторяющихся союзах (например: *первый, и второй, и третий год тюрьмы; все они очень умными себя представляли, и очень тонкими, и очень сложными*), иногда при повторяющемся слове (*десять раз за процесс возвращается, и возвращается, и возвращается*), а также при отсутствии союза (*приудобился он читать эту тихую, спокойную книгу*) [Там же]. Значимость этих примеров, как кажется, состоит преимущественно в том, чтобы по закону контраста указать на случаи, когда писатель предпочитал следовать традиции и не осуществлять «разгрузку от излишних запятых».

Однако выясняется, что есть и случаи, когда Солженицын предпочитает ставить запятую вопреки правилам. В первую очередь, это относится к примерам, когда в ряду однородных членов предложения последний из них присоединяется посредством союза *и*. Солженицын в таких случаях иногда ставит запятую перед союзом (*на увечье, на смерть, и без надежды на возврат*), и здесь можно усмотреть влияние английской пунктуации (так называемая «оксфордская запятая»). Чаще всего Солженицын в подобных случаях ставит запятую при однородных сказуемых (*миновал комнату, другую, и увидел накрытый стол; мы исправились, и у себя на родине освоились; она робела, и при встрече не могла бы найтись*) [Там же].

Отдельную проблему, обсуждаемую в этом разделе статьи писателя, составляет пунктуация при частице *де*. Солженицын вполне активно использовал «словечки» *мол, де и дескать* как показатели интерпретации коммуникативных намерений³. Частицы *мол* и *дескать* писатель, как правило, выделяет запятыми. В отношении частицы *де* следует заметить, что существующие правила на это

³ Об особенностях употребления этих частиц см., например: [Плунгян 2008].

счет не вполне эксплицитны. В своде 1956 г. говорится, что слова с частицей *-де* пишутся через дефис [Правила 1956: 48]. Ясно, что это правило (от которого, очевидно, и отталкивался Солженицын) не охватывает значительного числа случаев употребления частицы *де*, например ее употребления в начале предложения:

А я поздравлял его и редакцию так: писал под Москвой, везли в Рязань, а там — в почтовый ящик. *Де*, может, я все-таки в Рязани, оттого не являюсь. («Бодался теленок с дубом»).

Поэтому комментарий писателя: «Частицу “де” принято присоединять через дефис к предыдущему слову. Но иногда это невозможно (...), — а выделять запятыми кажется обременительным. Но в иных случаях интонация велит взять в запяты» [Солженицын 1997: 538], — представляется вполне оправданным (в качестве примеров «обременительности» запятых Солженицын приводит фразы: *что де он с веками блекнет; и потому де это справедливо*, а в качестве примера необходимости запятой — *будто, де, купить на него ничего нельзя*).

В разделе «Другие особенности пунктуации» Солженицын вышел за пределы собственно пунктуационной проблематики. Речь в нем идет, в частности, об употреблении строчных и прописных букв после тех или иных знаков препинания. Однако одно из замечаний в этом разделе заслуживает пристального рассмотрения. Солженицын писал: «По существующим правилам — в конце фразы, содержащей цитату или закавыченную прямую речь, вопросительный, восклицательный знаки и многоточие ставятся до кавычек, а точка почему-то после. Это не логично. Мы ставим точку также до кавычек, если закавыченная фраза является законченной, и — после них, если кавычки заключают несамостоятельную часть объемлющей фразы» [Там же: 539]. Здесь логика Солженицына безупречна. Более того, именно такими изображениями регулируется постановка точки до или после закрывающей скобки. Можно высказать предположение, что и здесь на писателя повлияли правила английской пунктуации, в соответствии с которыми точка ставится перед закрывающей запятой. Более того, предложение Солженицына более логично, нежели механический выбор порядка знаков: точка перед кавычками или после. Однако принятие этого предложения будет слишком

резким разрывом с общепринятой традицией, и нет оснований надеяться, что оно будет принято пишущим сообществом без внутреннего сопротивления.

Пунктуационная практика Солженицына

В целом ряде случаев пунктуация Солженицына имеет ключевое значение для художественного звучания его текстов. Вероятно, и рядовые читатели, и исследователи творчества писателя обращали внимание на использование им знака тире. Характерно использование тире после союза, стоящего в самом начале предложения, например в «Крохотках»:

Только не пошли, Бог, старости в нищете и холоде.

Как — и бросили мы стольких и стольких... («Старение»);

То-то в лагере: наломаешь кости за день, только положил голову на соломенную подушку — уже слышишь: «Подъ-ё-ом!!» И — никаких тебе ночных мыслей. («Ночные мысли»).

В крохотке «Поименование усопших» этот прием используется несколько раз:

Понять этот замысел — не в резвой юности, когда мы тесно окружены близкими, родными, друзьями. Но — с годами.

И — ничего больше мы не узнаём, пока живы. И — неизвестные они, и, по-прежнему, такие привычные.

Но — отставшие от нас по годам: иные, кто был старше нас, те уже и моложе.

Этот же прием Солженицын нередко использует и в публицистике, например:

А ведь среди этой публики — и писатели есть. И — как же они себе мыслят литературу без признаний? («Наши плюралисты»).

Регулярно Солженицын ставит тире после подлежащего, выраженного личным местоимением, — как перед именными, так и перед глагольными сказуемыми. Снова можно привести примеры из «Крохоток»:

Я — бью, единожды. («Колокол Углича»);

Ты — выше самого себя. («Утро»);

Оно — с высокой мудростью завещано нам людьми святой жизни. («Поименование усопших»).

Однако описание функций тире в художественной прозе и в публицистике Солженицына может составлять предмет отдельного исследования. Очевидно, что тире обычно используется Солженицыным в соответствии с ритмикой и мелодикой текста. Для кодификации пунктуации существенно, что практика использования писателем

знака тире свидетельствует: функции этого знака в русской пунктуации не поддаются строгому регулированию, часто в большей степени обусловлено коммуникативными намерениями автора, нежели строгими общепринятыми правилами.

Среди других знаков препинания, обращающих на себя внимание у Солженицына, можно назвать скобки⁴. Скобки в произведениях писателя часто маркируют важные фрагменты текста. Это вовсе не те побочные замечания, которые можно выпустить без ущерба для содержания. При этом во всех разнообразных примерах использования скобок у Солженицына можно усмотреть нечто общее. Текст в скобках раскрывает внутреннюю подоплеку того, о чем говорится вне скобок. Это может быть скрытая для внешнего наблюдателя мотивировка поведения персонажа или, напротив, описание того, как выглядит персонаж «со стороны», сам того не замечая; невысказанные мысли персонажей или исторический смысл происходящих событий, который прояснится лишь впоследствии; информация, проливающая свет на описываемую бытовую ситуацию, или исторический комментарий, необходимый для современного читателя. Текст в скобках делает явным то, что в противном случае осталось бы неявным.

Интересно также использование Солженицыным знака многоточия. Он иногда маркирует смену режима повествования: переход от авторского повествования к описанию размышлений персонажа или, напротив, переход от несобственно-прямой речи к комментарию от лица «умудренного повествователя» (см.: [Шмелев 2015: 73]).

Как скобки, так и многоточие также относятся к числу знаков, которые во многих случаях не предписываются правилами, а выбираются по желанию автора. К такого рода знакам относится и восклицательный знак, причем его использование Солженицыным весьма своеобразно и заслуживает отдельного исследования.

Общий вывод может состоять в следующем: соображения Солженицына о пунктуации, а также его пунктуационная практика могут оказать важную помощь в работе над уточнением правил русской пунктуации.

⁴ Об использовании скобок в художественной прозе и публицистике писателя см.: [Шмелев 2012]. Сокращенный вариант статьи был ранее опубликован в сборнике памяти Б.С. Шварцкопфа (см.: [Шмелев 2006]).

ЛИТЕРАТУРА

Плунгян В.А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие // *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen* [Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72]: Sagner, München, 2008. – С. 285–311.

Правила русской орфографии и пунктуации. – М., 1956.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. – М., 2007.

Солженицын А.И. Некоторые грамматические соображения // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. – Ярославль, 1997. – Т. 3. – С. 524–539.

Шмелев А.Д. Возможное и действительное в произведениях Александра Солженицына // *Солженицынские тетради. Материалы и исследования*. – Вып. 4. – М., 2015. – С. 70–94.

Шмелев А.Д. Об орфографических воззрениях Солженицына // *Русская речь*. – 1993. – № 5. – С. 119–121.

Шмелев А.Д. Скобки у Солженицына // *Солженицынские тетради. Материалы и исследования*. – Вып. 1. – М., 2012. С. 167–183.

Шмелев А.Д. Скобки у Солженицына // *Язык и мы. Мы и язык*. – М., 2006. – С. 516–529.

REFERENCES

Plungyan V.A. O pokazatelyah chuzhoi rechi i nedostovernosti v russkom yazyke: *mol, yakoby* i drugie, in *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen* [Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72]: Sagner, München, 2008, pp. 285–311.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii, Moscow, 1956.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik / pod red. V.V. Lopatina, Moscow, 2007.

Solzhenitsyn A.I. Nekotorye grammaticheskie soobrazheniya, in *Solzhenitsyn A.I. Publitsistika: v 3 t.*, Yaroslavl', 1997, vol. 3, pp. 524–539.

Shmelev A.D. Vozmozhnoe i deistvitel'noe v proizvedeniyah Aleksandra Solzhenitsyna, in *Solzhenitsynskie tetradi. Materialy i issledovaniya*, issue 4, Moscow, 2015, pp. 70–94.

Shmelev A.D. Ob orfograficheskikh vozzreniyah Solzhenitsyna, in *Russkaya rech'*, 1993, № 5, pp. 119–121.

Shmelev A.D. Skobki u Solzhenitsyna, in *Solzhenitsynskie tetradi. Materialy i issledovaniya*, issue 1, Moscow, 2012, pp. 167–183.

Shmelev A.D. Skobki u Solzhenitsyna, in *Yazyk i my. My i yazyk*, Moscow, 2006, pp. 516–529.